

Иосиф Давидович Амусин (1910–1984)

Иосиф Давидович Амусин родился 29 ноября 1910 г. в Витебске в многодетной семье сортировщика мехов. Еще в раннем возрасте отец отдал старшего сына Иосифа учиться в хедер, к опытному педагогу Звереву, который не только научил его ивриту, но и привил интерес и любовь к еврейской литературе. Речь на иврите, которую 13-летний Иосиф произнес на бар-мицву, произвела большое впечатление как своей формой, так и глубоким содержанием. Русским же языком в юности И.Д. Амусин владел несвободно, классическую русскую литературу начал читать в переводах на иврит.

В 1925 г. в 15-летнем возрасте И.Д. Амусин один, без родителей, переехал в Ленинград, где трудился чернорабочим и учился в экономическом техникуме. Одновременно с учебой и работой он посещал еврейскую библиотеку на Стремянной улице. Здесь он познакомился с некоторыми еврейскими деятелями. По-видимому, с этими знакомствами и связан последовавший в 1927 г. арест. Точные сведения о причинах ареста отсутствуют. В том же году он был выслан из Ленинграда и в течение пяти последующих лет находился в тюрьмах и лагерях Западной Сибири. Эти годы — с 17 до 22 лет — явились очень важными в становлении И.Д. Амусина. Он сам называл их «Мои университеты». В тюрьме и в ссылке он столкнулся и близко сошелся с большой группой русской интеллигенции, в том числе с Д.С. Лихачевым, и через них приобщился к русской культуре.

В 1932 г. И.Д. Амусин получил разрешение поселиться в Казани, но прожил там недолго. После неудачной попытки обосноваться в Ленинграде у родителей, которые к тому времени переехали туда, он поехал в Москву, где обратился в Красный Крест за содействием. При поддержке этой организации И.Д. Амусин смог устроиться работать счетоводом на Весово-кассовый завод, а в 1935 г. поступил на исторический факультет ЛГУ. При поступлении он скрыл свое прошлое, и это его мучило. Он пошел на прием к ректору ЛГУ Лазуркину и рассказал свою эпопею. Тот ответил, что вынужден отчислить бывшего ссыльного, но посоветовал сдать первую сессию и забрать документы по собственному желанию. «Времена меняются, — добавил он, — в любом случае, вы — бывший студент». И.Д. Амусин послушался доброго совета. Действительно, вскоре после известного высказывания Сталина — «сын за отца не в ответе» — И.Д. Амусин восстановился в университете.

И.Д. Амусина равно привлекали две области: античность и русская культура. В кружке античной истории под руководством проф. И.И. Толстого он сделал свой первый доклад — «Пушкин и Тацит», начал работать над темой «Гоголь и античность», но учеба резко оборвалась. 15 января 1938 г. он был вновь арестован по ложному доносу провокатора, «за участие в групповой террористической организации». Вся «группа» была осуждена на 8 лет лагерей и отправлена на лесоповал в Усольлаг, в Нарымский край. Условия заключения и труда были крайне тяжелыми.

Через год после ареста, вследствие перестановок в политической верхушке страны, вся группа была освобождена и реабилитирована за отсутствием состава преступления. Университет принял вернувшихся хорошо, их восстановили на прежнем месте учебы. И.Д. Амусин быстро сдал экзамены за два курса и к 1940 г. был уже на 4-м курсе. Осенью 1940 г. он сделал научный доклад «Пушкин и Тацит». Его текст

был принят в Пушкинский сборник, но «ссылное» прошлое автора не понравилось руководству, поэтому доклад был опубликован только после войны.

И.Д. Амусин пошел на фронт добровольцем, но по состоянию здоровья стал санинструктором и даже окончил два курса мединститута. Часть, где служил И.Д. Амусин, принимала участие в боях под Гатчиной. Затем он попал обратно в Ленинград и прослужил всю блокаду фельдшером в госпитале, находившемся в здании истфака. Позднее он находился на 3-м Белорусском фронте и закончил войну в Восточной Пруссии в звании лейтенанта медицинской службы.

После демобилизации осенью 1945 г. И.Д. Амусин вернулся в Ленинград и поступил работать в Педагогический институт им. Покровского, где читал курс древней истории. Как фронтовик он поступил в аспирантуру в Институт востоковедения АН СССР к академику В.В. Струве. В 1946–1949 гг. он работал над диссертацией, которая первоначально называлась «Антисемитизм в Древнем Риме», но по требованию Москвы название было изменено на «Послание императора Клавдия александрийцам»; одновременно он читал курс лекций в университете. Диссертация готова была в 1949 г., но, по общему мнению, защищать ее в разгар антисемитской кампании против «космополитов», да еще еврею было нельзя. По совету Д.С. Лихачева И.Д. Амусин все же решил защищать диссертацию. Ученый совет присудил ему степень, но именно в это время, очевидно вследствие этой защиты, И.Д. Амусин остался без работы.

В 1951 г. его взяли наконец в Ульяновский педагогический институт, и до 1965 г. он работал в Ульяновске. Несмотря на тяжелые бытовые условия, этот период был для И.Д. Амусина временем становления его как ученого и как личности.

Все эти годы он продолжал работать над библейской тематикой, за что подвергался постоянной «критике».

После тяжелой болезни в 1953–1954 гг. И.Д. Амусин находит себе «тихую пристань» — место референта у академика Тюменева в Институте археологии в Ленинграде. После смерти Тюменева в 1959 г. Амусин был принят, по ходатайству В.В. Струве, в отдел Древнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, где и проработал до конца своих дней (12 июня 1984 г.). В институте И.Д. Амусин защитил докторскую диссертацию, написал главные свои работы, книги, стал маститым ученым.

Со второй половины 1950-х годов И.Д. Амусин основное внимание уделял рукописям из окрестностей Мертвого моря, находки которых положили начало новому направлению в исследовании истории Древнего мира — кумрановедению. По вполне понятным причинам он не мог участвовать в археологических раскопках в Палестине и не работал с оригиналами кумранских находок. Он был лишен непосредственного контакта с большинством своих европейских коллег, хотя со многими из них вел научную переписку. Несмотря на все эти ограничения, И.Д. Амусин смог внести значительный вклад в кумранистику. Помимо многочисленных статей, посвященных общим и частным проблемам, его перу принадлежат основополагающие монографии: «Рукописи Мертвого моря» (М., 1960), «Тексты Кумрана» (М., 1971), «Кумранская община» (М., 1983). В его трудах на широком историческом фоне показано место кумранской секты в идеологической жизни Ближнего Востока и общественно-политической борьбе конца I тысячелетия до н.э. И.Д. Амусин глубоко и обстоятельно проанализировал идейное содержание кумранских документов, обращая особое внимание на соотношение и взаимосвязь эссеиста и раннего христианства. Поистине ювелирная работа над текстами позволила И.Д. Амусину убедительно расшифровать реальное историческое содержание многочисленных иносказаний в кумранских

комментариях на книги библейских пророков. Для людей, просто интересующихся историей и религией, очень важны его «научно-популярные» книги, написанные для широкого круга читателей.

(По воспоминаниям А. Альмони)
И.Н. Медведская

Ирина Михайловна Дунаевская

(род. 1919)

Кандидат филологических наук Ирина Михайловна Дунаевская родилась 23 июля 1919 г. в Петрограде. В 1937 г. поступила на русское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета, в 1938 г. в середине учебного года перешла на немецкое отделение, а после сдачи экзаменов за 1-й курс по совету А.П. Рифтина с целью изучения языков неиндоевропейской системы перешла с потерей курса на кафедру семито-хамитской филологии для занятия ассириологией.

В 1941–1945 гг. И.М. Дунаевская — участник Великой Отечественной войны и жительница блокадного Ленинграда (с августа по начало сентября 1941 г. служила в дивизии народного ополчения, с апреля 1942 г. по август 1945 г. служила в качестве военного переводчика в стрелковых соединениях на Ленинградском, 1-м и 2-м Прибалтийских, 2-м и 3-м Белорусских фронтах. Между службой в дивизии народного ополчения и в войсках Ленинградского фронта находилась в блокадном Ленинграде: с середины сентября 1941 г. по февраль 1942 г. продолжала учебу в университете до эвакуации последнего, с февраля по начало апреля 1942 г. работала санитаркой в госпитале № 1012).

В 1945 г. после возвращения из армии И.М. Дунаевская восстановилась на немецком отделении филологического факультета ЛГУ, потому что в этот момент заниматься ассириологией было не у кого (А.П. Рифтин скончался в 1944 г., а И.М. Дьяконов еще не был демобилизован). В 1948 г. окончила университет по специальности «германист-лингвист».

Следует сказать, что в годы, когда в нашей стране в каждой научной области какая-то одна концепция должна была быть если не единственной, то непременно главной, семинары, спецкурсы и консультации таких выдающихся ученых, как А.В. Десницкая, В.М. Жирмунский, Л.Р. Зиндер, С.Д. Кацнельсон, И.Ю. Крачковский, И.И. Мещанинов, В.Я. Пропп, А.П. Рифтин, Н.В. Юшманов, помогали студентам найти собственный путь своих дальнейших исследований.

В том же 1948 г. И.М. Дунаевская поступила в аспирантуру Восточного факультета ЛГУ по специальности «хеттология». В 1952–1957 гг. преподавала немецкий язык в средней школе. В 1959 г. защитила кандидатскую диссертацию «Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола». С 1957 по 1979 г. работала научным, потом старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Ею опубликовано более 40 работ. Награждена боевыми орденами и медалями СССР.

И.М. Дунаевская считает самой большой удачей своей научной жизни то обстоятельство, что ей довелось начинать свое образование у А.П. Рифтина, а в дальнейшем учиться у И.М. Дьяконова и работать под его руководством.

В 1959–1960 гг. И.М. Дунаевская принимала участие в подготовке и проведении XXV Международного конгресса востоковедов в Москве, выступила на нем с докладом и была секретарем двух секций — ассириологии и хеттологии.

Параллельно с исследовательской работой И.М. Дунаевская много занималась переводами литературы из круга ее научных интересов с английского, немецкого и французского языков. Большая часть этих переводов через 20 лет была переиздана.

Г.Х. Каплан

Алла Ивановна Еланская

(1926–2005)

Алла Ивановна Еланская — выдающийся отечественный коптолог; основная область занятий: грамматика коптского языка, издание коптских текстов.

А.И. Еланская родилась 2 июня 1926 г. в Махачкале. В 1951 г. поступила на Восточный факультет ЛГУ (кафедра истории арабских стран); в 1956 г. поступила в аспирантуру ЛО ИВ АН по специальности «коптская филология» (руководители: вначале чл.-кор. П.В. Ернштедт, затем акад. В.В. Струве); по окончании аспирантуры зачислена с 1.01.1960 г. в штат ЛО ИВ, где и работала до своего выхода на пенсию в 1997 г. В 1957–1958, 1964, 1968, 1972 гг. А.И. Еланская читала курс коптского языка студентам-египтологам Восточного факультете ЛГУ.

В 1962 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Определение в коптском языке», в 1972 г. — докторскую диссертацию «Саидский диалект позднейшего египетского (коптского) языка».

В 1960 г. А.И. Еланская приступила к созданию полной грамматики саидского диалекта коптского языка, и хотя труд был в основном закончен к 1965 г., к этой работе автор возвращалась и все последующие годы, дополняя ее новыми наблюдениями, примерами и формулировками. Книга (ок. 1000 машинописных страниц) была завершена за несколько дней до ее смерти и теперь ждет публикации. Пока же в нашем распоряжении имеется лишь опубликованный в серии «Языки народов Азии и Африки» общий очерк грамматики коптского языка А.И. Еланской («Коптский язык». М.: Наука, 1964) и ее многочисленные статьи по отдельным вопросам коптской грамматики.

Продолжая традиции великих предшественников, а именно первого отечественного коптолога О.Э. Лемма (1856–1918) и своего учителя П.В. Ернштедта (1890–1966), А.И. Еланская параллельно с грамматическими штудиями занималась и изданием коптских текстов. Уже в 1962 г. она издала (с комментарием и переводом) саидскую «Гомилию в честь архангела Михаила» по рукописи X в. («Неизданная коптская рукопись из собрания ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (копт. нов. серия № 15–21) // Палестинский сборник. 1962. Вып. 9 (72). С. 43–66), а несколько лет спустя увидел свет том, посвященный коптским рукописям Государственной публичной библиотеки, содержащий как подробное описание всего коптского собрания этой библиотеки (42 рукописи на саидском, фаюмском и бохайрском диалектах), так и образцовое из-

дание (с комментарием, переводом и детальным указателем) «Мученичества св. Виктора и Стефаниды» (в ранее не известной версии) и крайне важный для истории новозаветного текста фаюмский фрагмент «Евангелия от Марка» (XIV.35–XVI.20; рук. X–XI вв.) («Коптские рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина» // Палестинский сборник. 1969. Вып. 20 [83]).

В 1991 г. А.И. Еланская опубликовала коптские литературные тексты (несколько десятков текстов с английским переводом и комментарием; многие из них изданы впервые) из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина (*Elanskaya A.I. Coptic Literary Texts of the Pushkin State Fine Arts Museum in Moscow*. Budapest, 1991 [Studia Aegyptiaca XIII]); второе, значительно дополненное издание увидело свет три года спустя (Leiden, Brill, 1994). В издание, снабженное факсимильным воспроизведением всех рукописей (во 2-м издании даются 192 фотографии), вошли, например, такие тексты, как *Apophtegmata Patrum* (5 листов уникальной саидской рукописи IX в., фрагменты которой — всего 44 листа — находятся в Неаполе, Вене, Лондоне, Париже и Венеции; московские листы не были известны издателю этой рукописи Шену (*Chaîne M. Le manuscrit de la version Copte en dialecte Sahidique des «Apophtegmata partum»*. Le Caire, 1960) и теперь существенно восполнили саидский корпус *Apophtegmata Patrum*), фрагменты сочинений Шенуте, фрагменты не известных ранее богословских трактатов и т.д.

А.И. Еланская внимательно следила за работой своих зарубежных коллег, откликаясь на их публикации пространными критическими рецензиями.

Перу А.И. Еланской принадлежит несколько очерков по истории коптской литературы, а также фундаментальная статья о коптской рукописной традиции. По-прежнему единственным в отечественной научной литературе остается ее очерк о развитии коптологии в России (Коптология // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 516–526).

В последние годы А.И. Еланская активно занималась переводами коптских текстов. Помимо вышеназванных, которыми она снабжала все свои публикации, ею были переведены некоторые тексты из Наг Хаммади (например: «Происхождение мира» [II. 5], «Премудрость Иисуса Христа» [III. 4], «Апокриф Иоанна» [BG 8502, II. 1]), а также целый ряд христианских сочинений, например: «Апокалипсис Илиии», «Апокриф пророка Иеремии», «Мученичество Павла» и т.д. (Изречения египетских отцов. СПб.: Алетейа, 2001; Премудрость Иисуса Христа. Апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками. СПб.: Алетейа, 2004).

На 3-м Международном конгрессе коптологов в 1984 г. в Варшаве А.И. Еланская была избрана почетным президентом Международной ассоциации коптологов (IAC). В письме к А.И. Еланской, которое подписал президент ассоциации Р. Кассер, это признание ее заслуг со стороны зарубежных коллег было выражено такими словами: «Международная ассоциация коптологов единодушно постановила присвоить Вам звание Почетного президента этой ассоциации. Совершая это избрание, ассоциация стремится отметить исключительную ценность работ, которые сделаны Вами в области коптских штудий и которые в высшей степени обогатили коптологию: грамматика коптского глагола, коптский синтаксис, если говорить о самом главном, не забывая, однако, и том, с какой скрупулезностью Вами выполнены каталог и издание коптских рукописей ГПБ Ленинграда...». В 1990 г. к 65-летию А.И. Еланской был издан *Festschrift* — «To A.I. Elanskaja» (*Journal of Coptic Studies*. Vol. 1 / Ed. by G.M. Browne and S. Emmel. Louvain: Peeters Press, 1990).

Андрей Николаевич Кононов

(1906–1986)

Андрей Николаевич Кононов — ученый с мировым именем, признанный глава тюркологов нашей страны, выдающийся исследователь истории и грамматики тюркских языков, организатор и бессменный председатель Советского комитета тюркологов, член ряда зарубежных академий и научных обществ — обладал совершенно удивительными знаниями об истории нашего востоковедения, о его традициях. И все, кому приходилось беседовать с Андреем Николаевичем о путях развития советского востоковедения, помнят, с какой убежденностью говорил он о том, что всякое серьезное востоковедное исследование начинается с анализа текста, что значительные научные результаты возникают лишь в ходе углубленного исследования письменных памятников, дающих ученому уникальную возможность проникнуть в духовный мир прошлого народов Востока, оценить характер их исторических и культурных традиций.

А.Н. Кононов был выдающимся знатоком восточной рукописной книги, одним из крупнейших востоковедов-филологов и текстологов нашей страны. Специальные знания и навыки, столь необходимые в работе с восточными рукописями, А.Н. Кононов приобрел в 1940-х годах в процессе работы коллектива текстологов, создавшего многотомный каталог «Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР» (Т. I–X. Таш., 1952–1975). Первая крупная самостоятельная текстологическая работа А.Н. Кононова — издание критического текста произведения великого узбекского поэта и прозаика Алишера Навои «Махбуб-ул-кулуб» («Возлюбленный сердец») — была опубликована в 1948 г. Она обогатила науку публикацией, имевшей большое значение для анализа литературного наследия классика узбекской литературы, его мировоззрения. Примечательно, что в том же, 1948 г. была опубликована «Грамматика узбекского языка», созданная А.Н. Кононовым. Одновременное издание этих двух работ — текстологической и лингвистической — наглядно свидетельствует о том, что уже в 1940-х годах А.Н. Кононов сочетал в себе талант исследователя древних рукописей и тонкого знатока грамматического строя тюркских языков в его историческом развитии. За труд «Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов» в 1939 г. ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук, за труд «Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского» в 1948 г. — ученая степень доктора филологических наук.

В 1956 г. увидела свет его «Грамматика современного турецкого литературного языка», признанная лучшей научной грамматикой этого языка учеными-лингвистами в самой Турции. Глубокому проникновению в особенности грамматики турецкого языка в немалой степени содействовали продолжавшиеся текстологические изыскания А.Н. Кононова на материале различных тюркоязычных письменных памятников. В 1958 г. появляется его книга «Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского». Она ввела в науку памятник XVII в., открывший историкам новые горизонты для исследования средневековой истории Средней Азии. В этой книге А.Н. Кононова неразрывность его интересов как лингвиста и текстолога продемонстрирована особенно наглядно, ибо публикация была снабжена грамматическим очерком языка памятника.

Устойчивость сочетания научных интересов А.Н. Кононова — текстолога и лингвиста проявилась и в том, что он более четверти века всячески стимулировал работу своих учеников в области изучения и публикации памятников древнетюркской письменности. Глубокий интерес А.Н. Кононова к этим изысканиям привел его к созданию ставшей крупным событием в мировой тюркологии «Грамматики языка тюркских рунических памятников VII–IX вв.» (1980).

Можно было бы продолжить перечень трудов А.Н. Кононова в области восточного языкознания и восточной текстологии, но не хотелось бы в небольшом сообщении, посвященном памяти выдающегося ученого, отвлекать читателя от общей картины научной деятельности исследователя, для которого памятники письменности всегда были инструментом познания творений человеческого гения, путеводителем в сложном мире духовной жизни прошлых поколений, средством изучения современных восточных языков.

Среди многих коллекций восточных рукописей нашей страны есть одна, с которой была особенно связана научная деятельность А.Н. Кононова, более того, его биография. Это — коллекция рукописных книг Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. А.Н. Кононов обладал огромным авторитетом в его коллективе. В качестве заведующего ЛО ИВ АН СССР и председателя его ученого совета он сделал в 1960-х годах необычайно много для изучения и издания письменных памятников из этой ценнейшей коллекции. Многие годы А.Н. Кононов руководил в Ленинградском отделении Института востоковедения работой Методического бюро по описанию рукописей, что стало отличной школой для молодых текстологов-востоковедов.

Когда в 1959 г. была организована всесоюзная серия «Памятники литературы народов Востока» (с 1965 г. — «Памятники письменности Востока»), А.Н. Кононов вошел в ее состав в качестве заместителя председателя редколлегии, а с 1979 г. возглавил редколлегию серии. Отбор памятников для публикации, определение характера издания, консультации многочисленных авторов, организация работы самой редколлегии — дело весьма хлопотливое и трудоемкое. Но у А.Н. Кононова всегда было для этого время, ибо он почитал работу по изданию памятников важнейшей задачей советской востоковедной науки.

Удивительно широк был круг научных интересов А.Н. Кононова. Среди них и поразительная увлеченность историей нашего востоковедения. Его многочисленные труды по истории отечественной тюркологии заложили прочную основу для создания полной истории этой важной отрасли советского востоковедения. В числе таких работ книга «История изучения тюркских языков в России» (1972; 2-е изд. 1982), созданный А.Н. Кононовым с группой учеников «Библиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период)» (1974). В соавторстве с И.И. Иоришем А.Н. Кононов написал книгу «Ленинградский восточный институт: страницы истории советского востоковедения» (М., 1977), его перу принадлежат интереснейшие статьи и очерки о крупнейших советских востоковедах. Труды А.Н. Кононова по истории отечественного востоковедения постоянно опирались на поиск новых источников, на непрестанные изыскания в архивах нашей страны.

Ю.А. Петросян

Ксения Борисовна Кепинг

(1937–2002)

Ксения Борисовна Кепинг родилась 7 февраля 1937 г. в г. Тяньцзине (Китай) в семье русских эмигрантов. Ее отец, офицер белой армии, после Октябрьской революции и Гражданской войны оказался сначала в Харбине, а позже, женившись на сестре епископа Виктора (Святина), последнего главы Российской духовной миссии в Китае, прочно вошел в эту семью и поселился в Тяньцзине, где у них и родилась дочь

Ксения. Ксения получила среднее образование в школе при обществе советских граждан в Тяньцзине (1945–1954). Тем временем Духовная миссия в Пекине закрылась, и вся семья, включая митрополита Виктора, репатрировалась в СССР.

Родина встретила семью (как и многих репатриантов) неласково. Епископ Виктор поступил в распоряжение церковных властей и был направлен в Краснодар, где возглавил епархию, оставшись на этом посту до конца своих дней в 1966 г. Остальных членов семьи отправили на целину. Ксении удалось поступить в Среднеазиатский государственный университет в Ташкенте, и в 1955 г. она хлопотами дяди была переведена в Ленинградский государственный университет на кафедру китайской филологии Восточного факультета, по окончании которого с 1959 г. до последнего дня жизни работала в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.

В институте К.Б. Кеппинг сразу обратилась к научной деятельности и в 1966 г. поступила в заочную аспирантуру с уже начатой кандидатской диссертацией. Она быстро нашла себе тему — изучение давно забытого тангутского языка, письменные памятники которого (до девяти тысяч единиц) хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения в уникальной по составу и объему коллекции П.К. Козлова. Поскольку в то время почти все письменные памятники тангутского языка оставались неопубликованными, ей для грамматических изысканий приходилось готовить их в печать с самой детальной проработкой содержания, лексики (иероглифической), языковых особенностей, встречающихся в этих памятниках.

Приняв сначала участие (вместе с Е.И. Кычановым, В.С. Колоколовым, А.П. Терентьевым-Катанским) в публикации тангутского толкового словаря «Море письмен» (1969), К.Б. Кепинг сумела опубликовать известный памятник «Сунь цзы в тангутском переводе» (1979). Эта работа легла в основу ее кандидатской диссертации «Текстологические и грамматические исследования тангутского перевода китайского военного трактата Сунь цзы с комментариями трех авторов», защищенной в 1969 г. Затем последовали «Лес категорий» (1983), «Вновь собранные записки о любви к младшим и почтении к старшим» (1990). На основании изученных ею текстов она написала первое в мире и до сих пор единственное исследование «Тангутский язык. Морфология» (1985) и защитила в 1986 г. докторскую диссертацию «Морфологический строй тангутского языка и его типологическая характеристика».

Если просмотреть список опубликованных ею работ, числом до 70, можно увидеть, как К.Б. Кепинг шаг за шагом продвигалась в познании тангутского языка и его грамматики. Ее путь в науке составлялся из ряда небольших открытий частных явлений этого языка. Каждое свое «маленькое открытие» она немедленно публиковала в статьях, докладах, рабочих материалах различных научных конференций. Постепенно из этих частных складывалась общая картина тангутской грамматики и типологические соотношения изучаемого языка, что и было обобщено в ее монографии «Тангутский язык» и ее докторской диссертации. Но ее исследования не ограничивались только грамматикой. При публикации памятников приходилось обращаться как к различным сторонам китайской культуры, так и к общим лингвистическим проблемам. Так, при изучении «Сунь цзы» возникла необходимость пополнить знания в области истории военной мысли Китая и китайской комментаторской традиции, при изучении «Леса категорий» — китайской истории и китайской повествовательной прозы, «Записок о любви к младшим и почтении к старшим» — этнографических проблем, в частности тангутской системы родства, а при изучении некоторых явлений тангутской грамматики — теории эргативности и т.п. Иной раз, когда она открывала не известные ей до того явления, К.Б. Кепинг приходила в недоумение, которое

потом разрешалось в результате усердного чтения специальной литературы, посвященной тем или иным проблемам разных наук.

Опубликовав названные выше монографические работы, К.Б. Кепинг обращалась ко все большему количеству текстов. В последние годы она интенсивно изучала поэтические тексты («Гимны предкам») тангутов. И тут ей пришлось столкнуться с рядом исторических вопросов: само название тангутов, их внутренние взаимоотношения, история контактов с соседними народами и гибель тангутского государства в результате завоеваний Чингисхана. Этим вопросам она собиралась посвятить отдельную монографию.

Последние десятилетия, начиная с 1970 г., К.Б. Кепинг со своими исследованиями все чаще выходила на международную арену. Ее неоднократно приглашали для долгосрочного сотрудничества в Англию, Нидерланды, Швецию, и, что особенно важно, у нее были тесные контакты с японскими и тайваньскими тангутоведами, но наиболее частым было сотрудничество со специалистами КНР. Когда в 1989–1990 гг. К.Б. Кепинг была направлена на стажировку в Китай, она на полгода оказалась в Пекинском Институте национальных меньшинств, где ее куратором стал Ши Цзинь-бо, возглавлявший китайское тангутоведение, и где имели место постоянные контакты с Бай Бинем, Ли Фань-вэнем и другими видными специалистами. Тогда же она подготовила для пекинского радио серию передач о тангутике и о русской грамматике. Она записала для радио и телевидения 30 часов уроков русского и тангутского языков. Несколько позже К.Б. Кепинг получила приглашение на профессорскую должность в университете в г. Нинбо. У К.Б. Кепинг были планы дальнейших исследований, ее интересовала история Пекинской духовной миссии, где прошли ее детские и отроческие годы.

Л.Н. Меньшиков

Николай Дмитриевич Миклухо-Маклай (1915–1975)

Свое образование как иранист Николай Дмитриевич Миклухо-Маклай получил в 1933–1936 гг. в ЛИФЛИ на иранском отделении. После слияния исторического отделения ЛИФЛИ с истфаком ЛГУ Н.Д. Миклухо-Маклай перешел на истфак и окончил его в 1938 г. С 1938 г. по 1 декабря 1941 г. учился в аспирантуре на кафедре новой истории колониальных и зависимых стран истфака ЛГУ, где до 1 марта 1942 г. он работал в должности ассистента. 16 апреля 1942 г. он был принят на работу в Институт востоковедения и летом 1942 г. вместе с институтом эвакуировался в Ташкент. С этого времени вся творческая жизнь Н.Д. Миклухо-Маклая была связана с Институтом востоковедения.

В сентябре 1942 г. в Ташкенте оформился Иранский кабинет под руководством Е.Э. Бертельса, в его состав вошел и Н.Д. Миклухо-Маклай. 16 апреля 1943 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Афганское завоевание Ирана в 1722–1736 гг.». В 1944–1945 гг. параллельно с работой в Иранском кабинете ИВ он вместе с иранистами И.П. Петрушевским, О.И. Смирновой, арабистом В.И. Беляевым принимал участие в подготовке описания рукописей ИВ Узбекской ССР. Руководил этой работой А.А. Семенов, участвовавший также в деятельности Иранского кабинета ИВ.

По возвращении из эвакуации в мае 1945 г. Н.Д. Миклухо-Маклай работал над каталогизацией фонда персидских рукописей и отдельными памятниками. В статьях этого времени он акцентировал внимание на исследовании истории Сефевидов, взаимоотношениях Ирана и Средней Азии, но также на источниковедческих аспектах.

Некоторое время в 1945–1948 гг. Н.Д. Миклухо-Маклай преподавал историю Сефевидов на Восточном факультете ЛГУ, восстановленном в 1944 г.

После реорганизации Института востоковедения и перевода его в 1951 г. в Москву в Ленинграде был создан Сектор (Музей) восточных рукописей, Н.Д. Миклухо-Маклай в числе немногих сотрудников вошел в его состав. Совместная работа Н.Д. Миклухо-Маклая и В.И. Беляева над каталогизацией рукописей, начатая в Ташкенте, привела их к мысли о введении параллельно двух типов описания рукописного наследия: краткого алфавитного и более полных описаний для наиболее важных разделов знания — истории, географии, поэзии и др. Принципы описания, выработанные ими, получили признание в науке и легли в основу каталогов арабографичных рукописей. Начало серии положил 1-й выпуск книги «Описание таджикских и персидских рукописей ИВ» (1955), выполненный Н.Д. Миклухо-Маклаем, он был посвящен географическим и космографическим сочинениям.

Одновременно Н.Д. Миклухо-Маклай и Д.М. Мугинов начали в Секторе рукописей работу над кратким алфавитным списком персидских рукописей. После преобразования Сектора рукописей в ЛО ИВ АН (1956) и расширения численного состава Иранского кабинета появилась возможность привлечь к работе над составлением «Краткого алфавитного каталога» молодых сотрудников: О.Ф. Акимушкина, М.А. Салахетдинову, В.В. Кушева (ноябрь 1957 г.). Каталог был закончен и увидел свет в 1964 г. Н.Д. Миклухо-Маклай был одним из составителей, но также редактором и вдохновителем этого труда.

Сочинение Мухаммад-Казима «Наме-йи аламара-йи надири» привлекло внимание Н.Д. Миклухо Маклая в послевоенные годы, посвященная ему статья была опубликована в 1953 г. Позднее Н.Д. Миклухо-Маклай смог издать все три тома труда Мухаммад-Казима: т. I — 1960 г., т. II — 1965, т. III — 1966 г.

Продолжением работы над полным описанием персидских рукописей стало «Описание персидских и таджикских рукописей» (2-й выпуск), посвященное биографическим сочинениям (1961). Выпуск 3-й — «Исторические сочинения», самый большой из всех, представляет собой монографическое исследование всех сочинений, вошедших в него. Три выпуска «Описаний» включают в себя свыше 500 отдельных списков. Выпуск 3-й вышел после смерти Н.Д. Миклухо-Маклая в 1975 г. Глубокое изучение рукописных памятников позволило Н.Д. Миклухо-Маклаю сделать ряд важных источниковедческих открытий: установить авторов сочинений «Аджаиб ал-махлукат» и «Дополнения» к известному труду Аттара «Газкират ал-аулийа», определить несколько редакций текста ряда сочинений и др.

В последние годы жизни Н.Д. Миклухо-Маклай работал над монографией «Географическая литература на персидском языке», которая могла бы стать его докторской диссертацией. Вариантом одной из частей работы была статья «Автор и его сочинение в средневековой научной литературе на персидском языке», написанная для коллективного труда «Очерки истории культуры средневекового Ирана». Содержание статьи шире обозначенного названия. Для освещения поставленной задачи — дать характеристику средневековой научной литературы — потребовался весь многолетний источниковедческий опыт исследователя. В краткой форме Н.Д. Миклухо-Маклай изложил принципы систематизации материала, принятые средневековыми учеными, указал значение предисловий, заключений и авторских колофонов для

определения имени автора, названия сочинения, времени и места написания, подробно объяснил причины отсутствия подобных сведений и причины возникновения разных редакций. Основой для своих заключений Н.Д. Миклухо-Маклай выбрал географические и космографические сочинения. Статья увидела свет через несколько лет после смерти автора, в 1984 г. Рукопись монографии, перепечатанная на машинке женой и другом Н.Д. Миклухо-Маклая Елизаветой Георгиевной, была передана в архив ЛО ИВ.

Н.Д. Миклухо-Маклай был талантливым историком, исследователем средневековой словесности, но также человеком, который интересовался всем происходящим в стране и оценивал события с исторической точки зрения. Общительный, доброжелательный и очень скромный человек, он многие годы оставался негласным лидером в Иранском кабинете, теперь Секторе Среднего Востока.

Изучение письменного персоязычного наследия в различной форме — описание рукописей и литографий, переводы исторических и философских трудов, издание архивных материалов — остается основным направлением работы сотрудников Сектора Среднего Востока, бывших коллег Н.Д. Миклухо-Маклая и нового поколения востоковедов.

О.П. Щеглова

Марианна Ивановна Никитина

(1930–1995)

Марианна Ивановна Никитина (Мара Кудряшова) родилась 15 октября 1930 г. в г. Ленинграде. В 1947 г., окончив женскую среднюю школу, она поступила в Ленинградский университет на Корейское отделение Восточного факультета.

Корейское отделение открылось на Восточном факультете в 1947 г., на нем после большого перерыва снова начали изучать Корею, и Мара Кудряшова была в числе студентов первой корейской группы. У нас не было учебников, словарей, не было переводов памятников литературы. Мы все очень мало знали о Корее. Нас учил Александр Алексеевич Холодович — учил всему, что он знал сам.

О корейской литературе мы не знали ничего, и рассказать нам об этом было некому. Поэтому А.А. Холодович раздавал курсовые работы: перевести художественный текст или корейскую статью по истории литературы, которые ему удавалось раздобыть. Мара Кудряшова начала изучение корейской литературы с перевода романа современного корейского писателя Ли Киёна «Земля». А дальше была аспирантура и новая тема — корейская традиционная поэзия в жанре *сичжо* (работа была защищена как кандидатская диссертация в 1962 г.).

Три года аспирантуры — это время первого знакомства с памятниками традиционной литературы, тогда же М.И. Никитина сделала первые шаги как переводчик: она перевела «Повесть о Хон Кильдоне» для сборника корейских средневековых повестей, которые впервые в России составил и издал А.А. Холодович (1954). Одновременно М.И. Никитина занималась *сичжо* — исследованием и подстрочными переводами для А.А. Ахматовой, имя которой как поэтического переводчика стоит на первом сборнике корейской традиционной поэзии (1956).

После поступления в 1957 г. в Институт востоковедения Марианне Ивановне открылся мир корейских рукописей и ксилографов. Можно сказать, она заново училась

читать по-корейски, разбирать почерки, а через три года сделала первый доклад о рукописи романа «Счастливое соединение двух браслетов» на Международном конгрессе востоковедов в Москве. В 1962 г. были опубликованы факсимильное издание текста и перевод первой книги романа. М.И. Никитина сделала перевод и другой книги, но он остался в рукописи.

Работая в институте, М.И. Никитина продолжала чтение лекций в университете, руководила курсовыми работами студентов. В процессе исследования корейских рукописных памятников и подготовки лекций была выработана методика изучения корейской литературы: произведения и жанры рассматриваются «изнутри», как явление данной культуры. Эта методика была реализована в главах книги «Очерки истории корейской литературы до XIV в.» (1969), посвященных буддийской биографии и древней поэзии *хянга*, а также в статье «Периодизация корейской средневековой литературы» (1968). Принципы периодизации традиционной литературы, предложенные в этой статье, легли затем в основу разделов, посвященных литературе Кореи, в «Истории всемирной литературы» (т. 2–5, 1984–1988).

Изучение рукописей, написание статей по истории литературы не увели Марианну Ивановну в сторону от главного исследовательского интереса — корейской поэзии. М.И. Никитина написала книгу о поэтическом жанре *сичжо*, в которой поставила задачу ответить на вопрос, почему современному корейцу сочинить *сичжо* гораздо труднее, чем написать стихи на китайском языке. Ее исследование посвящено проблеме воссоздания системы представлений о мире, свойственной классическим *сичжо*.

Исследования традиционных поэтических жанров привели автора к необходимости разобраться в истоках корейской культуры. Изучая древние поэтические тексты *хянга*, М.И. Никитина реконструировала основные мифы и ритуалы, с ними связанные. Так появилось уникальное исследование основ корейской культуры — монография «Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом» и докторская диссертация на эту же тему (1982). До нее никто в мировом корееведении таких исследований не проводил.

Марианна Ивановна продолжила свою работу, анализировала корейские мифологические тексты, привлекая материалы Японии и Китая. Это позволило ей подойти к исследованию истоков культуры всего Дальневосточного региона. Она не успела довести до конца свою работу, оформил и издал книгу ее муж В.П. Никитин в 2001 г. («Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его спутники в ритуальной традиции Древней Кореи и соседних стран»).

Работы Марианны Ивановны высоко ценили зарубежные коллеги. О результатах своих исследований она успешно докладывала на конференциях, посвященных изучению литератур Востока, которые были организованы в Восточной Европе в 1970-х годах. С 1984 г. открылись возможности участия в конференциях Ассоциации корееведческих исследований в Европе (AKSE). И здесь коллеги из стран Западной Европы сразу высоко оценили незаурядность ее работ в области корейской мифологии. М.И. Никитина читала лекции в Берлинском университете, ее статьи появились в зарубежных изданиях. Только под конец жизни ей удалось побывать в изучаемой стране — в «двух Кореях», Северной и Южной, где она выступала с докладами на конференциях, работала в университетских библиотеках и просто знакомилась с «обликом страны».

Наряду с большой исследовательской деятельностью Марианна Ивановна занималась художественными переводами, писала статьи о корейской литературе для широкого читателя и много времени отдавала воспитанию младшего поколения.

О роли Марианны Ивановны Никитиной в изучении Кореи можно говорить и говорить — ведь она стояла у самого начала и была «основоположником» в полном смысле этого слова.

А.Ф. Троцевич

Юрий Яковлевич Перепелкин (1903–1982)

Впервые о Юрии Яковлевиче Перепелкине как о крупнейшем в СССР и в мире исследователе и знатоке Древнего Египта я услышал в конце 1950-х годов. Я не египтолог, и до этого мне не приходилось соприкасаться с египтологией. Когда было создано Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, в него перешла группа специалистов по истории Древнего Востока из Института всеобщей истории АН СССР. Группу собирал академик В.В. Струве, и сделал он это блестяще.

Каждый ее сотрудник, включая аспирантов, был незаурядным ученым, среди них был и Юрий Яковлевич Перепелкин. О нем ходили легенды: о его широчайших познаниях и удивительном исследовательском таланте. Особенно интересной была легенда о сундуке, полном готовых и неопубликованных работ. Из всех легенд о Перепелкине меня очень заинтересовал рассказ о сундуке.

В Институте истории он считался не только выдающимся знатоком Египта, но и крупнейшим специалистом по истории классической античности и христианства. Я заглянул в Каталог и фамилии Перепелкин не нашел. Я был искренне удивлен, тем более что я наблюдал, как почтительно обращались к Ю.Я. Перепелкину его коллеги по группе. Они держались с ним как с научным авторитетом высшего порядка. Меня очень заинтересовало, почему у Перепелкина так мало напечатанных работ, и я решил поговорить об этом с ним лично, в том числе и о его знаменитом сундуке. Это было тем более интересно, что младшие коллеги и ученики Перепелкина особых трудностей в публикации своих работ не испытывали. В кулуарах ходили разговоры о том, что гениальные труды Перепелкина, а иначе их и не называли, каким-то образом задевали В.В. Струве, тоже египтолога по специальности. Эту легенду Ю.Я. Перепелкин не опровергал. Он вообще не был склонен, по моим наблюдениям, сражаться за публикацию своих работ.

Он подготовил первый том «Переворота Аменхотпа IV» к изданию в Ленинградской типографии издательства Академии наук. Это было в последнее время пребывания его в Институте истории. О страданиях, которые он испытывал в работе с техническими редакторами издательства, он рассказывал мне уже сам лично, когда я с ним познакомился поближе. Для полиграфии издание его книги было действительно трудным при тех возможностях, которыми располагала типография. Воспроизвести печатно строгий научный текст Ю.Я. Перепелкина с соблюдением всей необходимой филологической акрибии типографии было очень трудно. Более того, при советской власти отношение к исследованию древности было пренебрежительным. Древностью разрешали заниматься как бы из милости.

И надо же было так случиться, что именно в тот самый момент, когда рукопись Перепелкина можно было запустить в производство, группу Струве перевели из Института истории в Институт востоковедения. Естественно, что в издательском плане

Института истории можно было воспользоваться этим переходом Юрия Яковлевича в другой институт. Институт истории и издательство исключили книгу из плана издания, и публикация монографии Перепелкина повисла в воздухе. Но Юрий Яковлевич по-прежнему был тих, скромен и ничего не добивался. Как он мне рассказывал позднее, он не считал нужным тратить время на бюрократические баталии.

Юрий Яковлевич производил впечатление человека необычайно сосредоточенного и дорожащего каждой минутой своего времени. Он был молчалив и очень замкнут, и его маршрут по Петербургу пролегал между двумя точками: дом и институт. Он проживал вместе с племянницей и ее семьей и своей личной жизни не имел. И в этом смысле он был совершенным анахоретом. Но он не производил впечатления несчастливца. Видимо, полное удовлетворение жизнью он находил в расширении знаний и поиске адекватного понимания древнейшего Египта и его культуры. Хотя он говорил мне, что при планировании исследований в области египтологии ему так и не позволили сделать то, чего он хотел более всего. Он очень хотел заняться прочтением и систематизацией настенных храмовых надписей, созданных когда жрецы, боясь утраты исторической памяти, старались зафиксировать в них прошлое. Его побуждали, как и всех историков древности, заниматься изучением социально-экономического устройства Египта и его соседей, дабы подтвердить высказанную В.В. Струве мысль, что древнеегипетское общество, как и иные древние общества, имеющие признаки государственного устройства, было рабовладельческим. В связи с этим Юрию Яковлевичу поручили написать для первого тома «Всемирной истории» главу, посвященную Древнему Египту. Ему очень не хотелось этого делать, хотелось продолжать свои исследования, и он понимал, что впереди его ждут трудности. Он сдал эту главу редактору первого тома, и вскоре ему вернули ее с просьбой точно указать, к какой формации принадлежал древнейший Египет. Потом он рассказывал мне, что именно это он и не мог указать, потому что еще не разобрался до конца в сущности этого общества. Поэтому на предъявленные ему требования он ответил отказом и попросил снять его авторство с этой главы и поручить ее кому-нибудь другому и оставался тверд в своей позиции. Поэтому на контртитule первого тома было указано, что для написания главы о Египте были использованы материалы Юрия Яковлевича Перепелкина. Я привел эту историю для того, чтобы показать, что Юрий Яковлевич никогда не сдавал в печать и не подписывал текстов, которые он не мог доказать собственными исследованиями. Но если ситуация с первым томом «Всемирной истории» объяснила мне, не египтологу, важнейшие черты научных убеждений и характера Ю.Я. Перепелкина, то я уверен, что эти черты Юрия Яковлевича были прекрасно известны Василию Васильевичу Струве. И рассказы о том, что В.В. Струве из ревности не печатал Перепелкина, не более чем легенды. Я верю в то, что Василий Васильевич Струве всю жизнь оберегал Ю.Я. Перепелкина, великого ученого-египтолога, от возможных неприятностей, даже в ту пору, когда в стране царил террор.

Ходила легенда, что В.В. Струве пытался добиться от Президиума АН СССР больших сумм для издания первого тома «Переворота Аменхотпа IV», который Перепелкин подготовил еще будучи сотрудником Института истории, поскольку типография АН СССР считала издание этой книги слишком дорогим. Однако В.В. Струве был опытным администратором и хорошо знал издательские порядки в Академии, чтобы обращаться в Президиум с подобного рода просьбами. Институты составляли планы редакционной подготовки и издания книг, готовых к печати, эти планы рассматривались на научно-издательском совете головного института, и от решения совета зависело издание книги. Поэтому, составляя по поручению Ю.А. Петросяна очередной план редакционной подготовки готовых работ, я, не беспокоя В.В. Струве,

включил в план первый том «Переворота Аменхотпа IV», Ю.А. Петросян подписал этот план без колебаний. В те годы директором Издательства восточной литературы был мужественный и широко образованный человек Олег Константинович Дрейер. На заседании научно-издательского совета института под председательством директора института академика Б.Г. Гафурова наш план редакционной подготовки был утвержден. Начался период работы Юрия Яковлевича Перепелкина с издательским редактором. Редактором была назначена молодая и привлекательная женщина, которая, конечно, ничего не понимала в тексте Перепелкина. Она привезла рукопись после своей работы над ней в Ленинград. Но общение с редактором едва не привело к трагедии. Как только Юрий Яковлевич ознакомился с результатами работы редактора, на следующий день он принес мне заявление на имя директора с просьбой об отставке. Юрий Яковлевич объяснял мне, что том был подготовлен к печати давно и вылизан до последней запятой, но выяснилось, что редактор поменяла ему пунктуацию и тем самым много изменила в содержании текста. Юрий Яковлевич гневно говорил мне, что у него каждая точка и каждая запятая имеют значение, а теперь он, старик, должен тратить свое время на то, чтобы вспомнить, почему он где-то поставил точку, а в другом месте запятую. И действительно, пунктуация имеет огромное значение для содержания текста. «Я книгу забираю и отказываюсь иметь дело с редактором и издательством». Я тут же при нем позвонил в издательство главному редактору Отто Юльевичу Шмидту и, объяснив сложившуюся ситуацию, попросил его впредь не редактировать Перепелкина и печатать так, как он сдал. Главный редактор обещал, что так и будет. И действительно, издательство сдержало слово, и последующие книги Перепелкина не редактировались. После этого разговора Юрий Яковлевич заявление об отставке забрал. Через год книга вышла, и так началось последовательное опустошение знаменитого сундука Юрия Яковлевича Перепелкина. Не успел выйти из печати первый том «Переворота Аменхотпа IV», началась издательская работа над вторым томом. И вот тут приходит ко мне Перепелкин и спрашивает: «Что делать? Ко мне обратилась Нина Викторовна Пигулевская, главный редактор „Палестинского сборника“, и предложила что-нибудь напечатать в этом сборнике. Как быть?» Все тома, заполнявшие знаменитый сундук, были большого объема. И только одна вещь могла поместиться в «Палестинском сборнике». Работа называлась «Представление египтян древнего царства о собственности». По сути, это было введение к написанной ранее объемистой книге «Вельможное хозяйство древнего царства Древнего Египта». Мы договорились с Перепелкиным, что он отдаст это введение, которое можно рассматривать как самостоятельное произведение. И через год «Палестинский сборник» с великим сочинением Перепелкина вышел из печати. Эта книга была переведена на немецкий язык и доведена до печати учеником Перепелкина Е.С. Богословским.

На очереди были последующие работы Перепелкина, но при жизни он не дождался их публикации.

Как-то Олег Константинович Дрейер предложил нам создать серию научно-популярных работ по результатам исследований Ленинградского отделения Института востоковедения. Организацию этой серии Ю.А. Петросян поручил мне. И первым, к кому я пошел с таким предложением, был Ю.Я. Перепелкин. Он некоторое время размышлял, потом пришел ко мне с согласием и предложил книгу под названием «Тайна золотого гроба». Книга пользовалась огромным спросом. По сути, это был научный детектив, содержащий к тому же немало научных открытий. О.К. Дрейер распорядился перевести ее на английский язык для продажи за рубежом. Книга была не только важным научным открытием, но и талантлива литературно.

Юрий Яковлевич Перепелкин был выдающимся оратором. На его лекции в нашем бесплатном лектории приходило столько людей, что необходимо было просить милицию организовывать порядок перед входом в институт.

И есть что-то щемяще-трагичное в том, что выдающиеся открытия Перепелкина потоком пошли в печать, когда он приближался к своему крайнему возрасту.

Юрий Яковлевич Перепелкин принадлежал к родовитой и интеллигентной дворянской семье, которая из поколения в поколение давала России талантливых ученых, военных и дипломатов. Но Юрий Яковлевич никогда не говорил об этом. По его внешнему виду трудно было угадать представителя старинного дворянского рода: сколько я его помню, он всегда ходил в недорогом костюме, в полупальто из грубошерстной ткани, в грубых ботинках на толстой подошве, которые больше напоминали спецназовскую обувь. Он был чуть выше среднего роста, немного сутулился, и взгляд его всегда был сосредоточен и устремлен вперед. Он не пользовался транспортом и всегда ходил в институт и обратно пешком. Нередко за ним следом, стараясь попасть в ногу, шествовали преданные ему ученики. Это было забавное, но внушающее уважение зрелище. Таким остался в моей памяти великий египтолог.

Э.Н. Тёмкин

Василий Васильевич Струве

(1889–1965)

Василий Васильевич Струве родился 21.01 (03.02) 1889 в Петербурге. В 1907–1912 гг. учился на историческом отделении историко-филологического факультета Петербургского университета, где совершенствовал свои знания дренегреческого и латинского языков, а под руководством крупнейшего русского египтолога проф. Б.А. Тураева изучал древнеегипетский язык. В.В. Струве овладел всеми видами египетского иероглифического письма, включая демотику. После окончания учебы он был оставлен в университете для научной и преподавательской работы, а в 1913 г. был послан в Германию, где продолжил углубленное изучение египетского языка у выдающегося египтолога А. Эрмана. Уже будучи преподавателем, В.В. Струве стал заниматься аккадским, древнееврейским и другими семитскими языками у выдающегося семитолога акад. П.К. Коковцова. Самостоятельно он начал изучать шумерский язык.

В 1928 г. В.В. Струве защитил магистерскую диссертацию «Манefon и его время». Степень доктора исторических наук была присуждена ему в 1934 г. *honoris causa*. В 1935 г. по представлению акад. П.К. Коковцова В.В. Струве был избран действительным членом Академии наук СССР, в дальнейшем стал членом Бюро отделения исторических наук АН СССР. Он был также членом Национального комитета историков СССР и членом Археологической комиссии АН СССР. Ему было присвоено звание «заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

В разные годы В.В. Струве заведовал Египетским отделом Государственного Эрмитажа, был директором Института этнографии и Института востоковедения АН СССР. В период Великой Отечественной войны он возглавлял Институт востоковедения АН СССР в Ташкенте. После войны В.В. Струве работал в Институте истории

АН СССР, а в 1959–1965 гг. заведовал Отделом Древнего Востока Института востоковедения АН СССР. В 1952–1965 гг. он возглавлял кафедру истории стран Древнего Востока Восточного факультета Ленинградского государственного университета.

В.В. Струве входил в состав главных редакций «Советской исторической энциклопедии» и «Всемирной истории». Он был одним из основателей и бессменным членом редколлегии журнала «Вестник древней истории», а в последние годы жизни — главным редактором журнала.

В.В. Струве был членом Комитета международной ассоциации египтологии (Копенгаген, с 1947 г.), почетным членом Пражской академии наук, членом Института египтологии Карлова университета в Праге, членом-корреспондентом Германского археологического общества, членом-корреспондентом Международного общества по истории науки. В.В. Струве был участником XXIII (Кембридж, 1954 г.) и XXV (Москва, 1960 г.) Международных конгрессов востоковедов, X Международного конгресса историков (Рим, 1955 г.).

За научную и общественную деятельность В.В. Струве был награжден советским правительством орденами Ленина и Трудового Красного Знамени и медалями.

В.В. Струве издал более 250 работ, проводил обширную редакторскую и рецензионную работу.

Наиболее полная библиография публикаций В.В. Струве, а также подробный перечень работ о его жизни и трудах представлены в изданиях: Академик В.В. Струве. Библиографическая справка. М., 1959 (сост. С.Д. Милибанд); Список печатных работ В.В. Струве // Древний Египет и древняя Африка. Сборник статей, посвященный памяти академика В.В. Струве. М., 1967. С. 5–7; *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 534–536; *она же.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. М., 1995. С. 453–455.

В.В. Струве отличали огромная эрудиция, разносторонность научных интересов, широта исследовательского диапазона. Как и его учитель Б.А. Тураев, В.В. Струве принадлежал к замечательной плеяде русских ученых-востоковедов, которые плодотворно работали как в области египтологии, так и ассириологии. Кроме того, В.В. Струве посвящал специальные работы истории и филологии Хеттского царства, Палестины, Урарту, Ирана, Средней Азии. Он был большим знатоком античности, в частности эллинизма. Его живо интересовали проблемы истории письменности.

В.В. Струве был замечательным организатором науки. Об этом ярко свидетельствует уже тот факт, что в Отделе Древнего Востока, которым в конце жизни руководил В.В. Струве, с ним рядом работали такие выдающиеся востоковеды, как Ю.Я. Перепелкин, И.М. Дьяконов, И.Д. Амосин, О.Д. Берлев, М.В. Воробьев, М.А. Дандамаев, И.Ф. Фихман, В.А. Лившиц, А.Г. Периханян и др.

С начала 30-х годов прошлого века В.В. Струве стал интенсивно заниматься исследованиями в области социально-экономических отношений на Древнем Востоке, в результате чего пришел к заключению о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Это положение В.В. Струве оказало решающее влияние на развитие исторической науки в СССР, а изучение социально-экономических отношений стало профилирующим направлением исследования для советских историков Древнего Востока.

М.А. Дандамаев

Мунира Азымовна Салахетдинова

(1920–1990)

Путь М.А. Салахетдиновой в науке типичен для представителя национальных меньшинств в СССР. Способная девочка, родившаяся в татарском селе Нижегородской области, в Ленинграде (куда семья переехала в 1930 г.) занималась в кружке одаренных детей, которым руководил С.Я. Маршак. В 1940–1941 гг. училась на филологическом факультете ЛГУ, во время эвакуации (март 1942 г. — июль 1945 г.) преподавала в родном селе русский и немецкий языки. По возвращении в Ленинград восстановилась на Восточном факультете ЛГУ и окончила его в 1949 г. Последовала аспирантура (1949–1952), успешная защита диссертации «Артикль в современном персидском языке» в 1955 г.

Лингвистом М.А. Салахетдинова тем не менее не стала, но способности к языкам, хорошее знание русского языка впоследствии нашли применение. Первые годы научной работы М.А. Салахетдиновой были связаны с участием в Киргизской группе, организованной при Секторе восточных рукописей ИВ в 1954 г. для перевода с восточных языков средневековых памятников, содержащих сведения о киргизах. Перу М.А. Салахетдиновой принадлежат переводы с персидского и тюркского языков из сочинений Хафиз-и Таныша «Абдулла-нама», «Тазкира-йи Ходжаган» Мухаммад-Садика Кашгари и «Хидайат-нама» Мухаммад Хал ад-Дина, высоко оцененные киргизскими учеными. Результатом этой работы явились также первые исследовательские статьи М.А. Салахетдиновой.

После преобразования Сектора рукописей в ЛО ИВ М.А. Салахетдинова была принята в Иранский кабинет и затем в ноябре 1957 г. включена в группу по составлению «Краткого каталога персидских рукописей» вместе с О.Ф. Акимушкиным и В.В. Кушевым.

Первоначальная картотека рукописей, составленная Д.М. Мугиновым (машинопись) и Н.Д. Миклухо-Маклаем (рукопись, переписанная С.Н. Соколовым), была отправной точкой для каталога. Все рукописные списки были изучены заново согласно схеме, выработанной В.И. Беляевым и Н.Д. Миклухо-Маклаем, составлены новые описания. Весомый вклад в эту работу внесла и М.А. Салахетдинова.

Каталог зафиксировал 4790 персоязычных рукописей, значительная часть которых не была известна в научной литературе. Хотя каталог составлен по алфавиту названий, систематизация материала проведена в шести указателях и двух приложениях: выделены 75 тематических разделов, указаны время и место изготовления списков, наличие иллюстраций, приложены именные указатели. Со времени своего издания в 1964 г. каталог стал настольной книгой многих поколений ученых как в стране, так и за рубежом. Позднее он был переиздан на английском языке.

По окончании коллективной работы продолжилась самостоятельная переводческая деятельность М.А. Салахетдиновой. Она ввела в научный оборот памятник персидско-таджикской среднеазиатской литературы XVII в. «Дастур ал-мулук» («Назидание государям») Самандара Термези. Публикация включала в себя факсимиле старейшего из немногих сохранившихся списков сочинения, предисловие, русский перевод, указатели. В традиционном по форме образце дидактической художественной литературы М.А. Салахетдиновой удалось отыскать и интерпретировать важные сведения по истории Средней Азии XVII в.

Научным подвигом М.А. Салахетдиновой является выполненный ею перевод сложнейшего по языку сочинения Хафиза Таныша «Шараф-нама-йи шахи» (обиходное название — «Абдулла-нама»), посвященного шейбаниду Абдулла-хану (ум. 1598). Перевод М.А. Салахетдиновой объемного списка (235 с.) рукописи большого формата из собрания ЛО ИВ составил четыре отдельных тома. Изданы т. I. под редакцией Н.Д. Миклухо-Маклая (1983) и т. II под редакцией О.Ф. Акимушкина (1989). К переводу приложены факсимиле списка, предисловия, указатели. Но, к сожалению, на этом издание остановилось: Издательство восточной литературы АН, испытывавшее трудности в 90-е годы XX в., от публикации отказалось, и два последних тома не увидели свет.

Исключительное трудолюбие, собранность и дисциплинированность М.А. Салахетдиновой создавали в Иранском кабинете и затем Секторе Среднего Востока рабочую обстановку. Она была одним из скромных тружеников института, которые честно выполняли свою работу без рекламы и помпы, а их вклад в востоковедение принес мировую известность нашему Отделению.

О.П. Щеглова

Наталья Николаевна Туманович

(1928–2005)

Наталья Николаевна — историк Среднего Востока. Область ее профессиональных интересов включает проблемы истории Афганистана и Ирана Средних веков и нового времени, культурную и экономическую жизнь городского общества. Работы Н.Н. Туманович отличаются глубиной научных разработок, скрупулезностью и точностью анализа материала первоисточников. Она занималась описанием рукописей и архивных документов, изданием памятников и работой с фольклорными источниками.

Наталья Николаевна Туманович родилась в Ленинграде в семье служащего. В 1945 г. она поступила на Восточный факультет Ленинградского государственного университета, где изучала персидский язык на кафедре истории Среднего Востока, в 1950 г. была принята в аспирантуру и в 1954 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Английская экспансия в Персидском заливе в XIX веке». Н.Н. была ученицей выдающегося историка И.П. Петрушевского и считала, что он научил ее главному принципу страноведения — изучать историю страны по первоисточникам. Ей посчастливилось учиться также у выдающихся отечественных востоковедов А.Ю. Якубовского, М.С. Иванова.

В 1955–1958 гг. Н.Н. Туманович работала научным сотрудником Института истории АН Киргизской ССР. В 1954 г. при Секторе восточных рукописей и документов Института востоковедения АН СССР была создана Киргизская группа, перед которой была поставлена задача оказать помощь Киргизскому филиалу АН СССР в переводе сведений из источников на восточных языках по истории киргизского народа для составления «Истории Киргизской ССР». Активным участником этого проекта стала Н.Н. Туманович, сначала младший, а затем старший научный сотрудник Института истории Киргизии.

С 1958 г. Н.Н. Туманович — штатный сотрудник ЛО Института востоковедения АН СССР. Описание персидских рукописей, подготовка к изданию трудов академика

В.В. Бартольда — главная тема ее исследований. Результатом кропотливой работы стала публикация серии статей, посвященных архиву В.В. Бартольда.

Единственным в своем роде стало описание фольклорных рукописных материалов из собрания ЛО ИВ АН (Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 6. Фольклор: [Занимательные рассказы и повести] / АН СССР. Институт востоковедения. М., 1981).

В серии публикаций памятников ею осуществлено издание мемуаров гератского вельможи Мухаммада Ризы Барнабади (*Барнабади Мухаммад Риза*. Тезкире. Памятные записки. Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с персидского, введение и примечания. М., 1984), составленных в начале XIX в. «Памятные записки» освещают историю феодального гератского рода с начала XV в. до первых десятилетий XIX в., содержат материал по культуре и социально-бытовым условиям жизни феодального общества.

Н.Н. Туманович параллельно продолжала развивать тему, начатую в годы аспирантуры. В 1982 г. вышла ее монография о политике европейских держав на Востоке (Европейские державы в Персидском заливе в XVI–XIX вв. М., 1982). С конца 70-х годов она посвятила себя изучению города Герата, исследованию социально-экономической жизни всех слоев населения этого города, расположенного на стыке трех культурных миров — среднеазиатского, иранского и индийского. Ей удалось на материале персоязычных источников воссоздать политическую историю Гератской провинции, локализовать архитектурные памятники. В 1991 г. она защитила докторскую диссертацию по теме «Герат в XVI–XVIII вв.».

О.А. Воднева

Анатолий Павлович Терентьев-Катанский (1934–1998)

Анатолий Павлович Терентьев-Катанский родился в Архангельске, в семье ученого, известного специалиста в области герпетологии П.В. Терентьева. Их семья входила в те же культурные круги, что и многие деятели серебряного века, с особым пиететом в доме Терентьевых произносилось имя А.А. Блока. Поэтому А.П. Терентьев-Катанский, обладавший к тому же отличной памятью, со школьных лет (хотя этому и не учили в то время в школе) знал наизусть множество стихов полузапретных тогда поэтов и увлекался творчеством художников из «Мира искусства». Может быть, под влиянием этих своих кумиров, не просто интересовавшихся Востоком, но и (как Н.К. Рерих) внесших серьезный вклад в востоковедение, А.П. Терентьев-Катанский выбрал Восточный факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета для изучения истории Дальнего Востока. Интерес к серебряному веку укрепился и развился после его женитьбы на И.А. Фашевской, происходившей из семьи, в которой чтли память «тетушки» — известной певицы Л.А. Дельмас, воспетой А.А. Блоком, и великого певца П.З. Андреева.

После окончания университета в 1958 г. он был принят в Ленинградское отделение Института востоковедения, где и работал до своего выхода на пенсию в 1995 г. Он стал членом так называемой «библиотечной группы», задачей которой было пересоставление каталога восточной библиотеки. Между делом Анатолий Павлович набрасывал быстрые зарисовки-шаржи на сотрудников института. Эти его рисунки

(которыми он как он как будто не очень дорожил и разбрасывал где попало) многие и сейчас хранят в своих столах и папках. Они свидетельствуют о его незаурядном художественном таланте. Он с первого взгляда отмечал в человеке забавные черты и умел тут же перенести их на бумагу — рука у него как бы сама рисовала. Это пристрастие он сохранил до конца своих дней, последние годы пробуя силы уже не только в графике, но и в масляной живописи. Он умел также быстро писать стихотворные экспромпты, не менее чем его рисунки отмечавшие смешные стороны институтской жизни.

С середины 1960-х годов в институте было организовано несколько групп, задачей которых являлось изучение рукописных фондов в ЛО ИВ АН. В одну из них — группу по изучению и публикации рукописей и ксилографов Дальнего Востока (впоследствии переименованную в группу дальневосточной текстологии) — вошел А.П. Терентьев-Катанский. Вместе с Е.И. Кычановым, К.Б. Кепинг, В.С. Колоколовым он стал работать в подгруппе, изучавшей тангутские материалы, открытые П.К. Козловым во время его экспедиции в Центральную Азию 1908–1910 гг. в «мертвом городе» Хара-Хото. А.П. Терентьев-Катанский начал изучать тангутскую палеографию и историю печатной книги в тангутском государстве Си Ся. В 1968 г. появляется его первая статья, посвященная тангутской бумаге. В коллективной публикации словаря «Море писем» (1969) ему принадлежало введение с археографическим описанием издаваемого памятника. С этого времени главным направлением его исследований стала история тангутской книги. По этой теме в 1973 г. А.П. Терентьев-Катанский защитил кандидатскую диссертацию «Книга из Хара-Хото как памятник тангутской культуры XI–XIII вв.», с ней связаны и две его монографии: «Книжное дело в государстве тангутов» (1981) и «С Востока на Запад: Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII веков» (1990). Расширяя сферу своих исследований, он издает книгу «Материальная культура Си Ся» (1993). Наполненные до предела фактами, которые один к одному, как мозаику, подбирает автор, книги эти в то же время написаны легко, не без литературной выразительности. Они привлекли внимание не только отечественных специалистов, но и тангутоведов в Китае. Накопленного материала вполне хватило бы для докторской диссертации, и Анатолий Павлович начал готовиться к защите — но болезнь, а потом и смерть не дали ему выполнить это намерение.

Последние годы А.П. Терентьев-Катанский трудился над двумя темами. Одна из них — тангутский словник «Иероглифическая смесь» («Цзы цза»), имеющий также китайскую параллель. Его содержание значительно дополняет наши знания тангутской лексики (в том числе и в области материальной культуры). Другая тема связана с одной из его ранних статей «Китайская легенда о драконе» (1971). Увлечшись китайской иконографией животного мира, А.П. Терентьев-Катанский стал подбирать материал к вышедшей посмертно книге «Иллюстрации к китайскому бестиарию» (СПб., 2004).

Л.Н. Меньшиков